

Этимологический анализ некоторых рязанских гидронимов, извлеченных из документов XV–XVIII вв., и апеллятивов, мотивирующих данные гидронимы

Игорь Николаевич Хрусталёв

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия
i.hrustalev@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению этимологии некоторых гидронимов Рязанского края, извлеченных из каталога Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки» (Москва, 1976), не отмеченных на современных картах, но указанных в документах XV–XVIII вв. (Картах и планах генерального межевания XVIII–XIX вв., Писцовых книгах XV–XVII вв. и др.) и апеллятивов, от которых образованы данные гидронимы. Цель исследования – выяснить, как проходил процесс номинации водных объектов, какие признаки этих объектов закреплялись в наименованиях, какие апеллятивы мотивируют данные наименования. Используя метод этимологического анализа и сравнительно-сопоставительный метод, мы устанавливаем, что такие гидронимы, как *Бабье, Галино, Мужево, Мужнее, Польское, Провал, Бочка, Бочища, Штаны, Семкина Лужа, Федькина Лужа, Долгий Куст, Журавлиный Куст, Медвежий Куст, Осинов Куст, Долгая Осока*, скорее всего, образованы не от общеупотребительных современных слов (*баба, Галя, муж, польский, провал, штаны и др.*), а от омонимичных им, имевших различные значения местных географических терминов. Кроме того, в статье рассматривается вероятная этимология некоторых из этих апеллятивов-терминов (*лужа, куст, осока, волошка, музга, оlex*).

Установление этимологии указанных названий водных объектов, а также гидронимов *Волошка, Волошино, Музг, Музга, Музги, Музарское, Музное, Баклуша, Ильмень, Алешня, Оlex, Шубин Оlex, Болонье, Оболонье, Калище, Кальное, Перекальское, Слотина, Солотча, Штертовские Брачи* является важным для решения проблем изучения истории русского языка, позволяет уточнить процессы номинации в русской топонимии.

Этимологический и сопоставительный анализ гидронимии бассейна р. Оки позволяет выявить ряд апеллятивов географических терминов, существовавших ранее в русском языке, скорее всего, на уровне местных говоров, (+*куст, +кал, +калище, +олешек, +осока, +брача* и др.).

Проведенное исследование позволяет утверждать, что прослеживаются явные связи топонимии Поочья с топонимией других славянских территорий.

Ключевые слова. Лексикология, топонимия, этимология, славистика, гидронимия, гидроним, апеллятив.

Для цитирования:

Хрусталев И.Н. Этимологический анализ некоторых рязанских гидронимов, извлеченных из документов XV–XVIII вв., и апеллятивов, мотивирующих данные гидронимы // Русская филология и национальная культура. 2021. №1. Доступна по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st4-2021.pdf>

Original article

Etymological analysis of some ryazan hydronyms extracted from documents of the XV–XVIII centuries, and the appellatives motivating these hydronyms

I.N. Khrustalev

Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russia
i.hrustalev@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the etymology of some hydronyms of the Ryazan Region extracted from the catalog of G.P. Smolitskaya "Hydronymy of the Oka basin" (Moscow, 1976), not marked on modern maps, but indicated in documents of the XV–XVIII centuries. (Maps and plans of the general surveying of the XVIII–XIX centuries, Scribal books of the XV–XVII centuries, etc.) and appellatives from which these hydronyms are formed. The purpose of the study is to find out how the process of nomination of water bodies took place, what signs of these objects were fixed in the names, what appeals motivate these names. Using the method of etymological analysis and comparative method, we establish that such hydronyms as *Bab'e, Galino, Muzhevo, Muzhnee, Pol'skoe, Proval,*

Bochka, Bochishcha, Shtany, Semkina Luzha, Fed'kina Luzha, Dolgij Kust, Zhuravlinyj Kust, Medvezhij Kust, Osinov Kust, Dolgaya Osoka, most likely, are formed not from commonly used modern words (*baba, Galya, husband, Polish, proval, shtany, etc.*), but from homonymous to them which had various meanings of local geographical terms. In addition, the article discusses the probable etymology of some of these appellative terms (*luzha, kust, osoka, voloshka, muzga, olekh*).

The establishment of the etymology of these names of water bodies, as well as the hydronyms *Voloshka, Voloshino, Muzg, Muzga, Muzgi, Muzarskoe, Muznoe, Baklusha, Il'men', Aleshnya, Olekh, Shubin Olekh, Bolon'e, Obolon'e, Kalishche, Kal'noe, Perekal'skoe, Slotina, Solotcha, Shtertovskie Brachi* is important for solving the problems of studying the history of the Russian language, allows you to clarify the processes of nomination in Russian toponymy.

Etymological and comparative analysis of the hydronymy of the river basin Oki allows us to identify a number of appellatives of geographical terms that existed earlier in the Russian language, most likely at the level of local dialects, (**kust, *kal, *kalishche, *oleshek, *osoka, *bracha, etc.*)

The conducted research allows us to assert that there are obvious links between the toponymy of the Pooch region and the toponymy of other Slavic territories.

Keywords. Lexicology, toponymy, etymology, Slavistics, hydronymy, hydronym, appellative.

Топонимия Рязанской области исследуется уже достаточно давно, и имеется большое количество работ, посвященных структурно-семантическому и этимологическому анализу географических наименований Рязанского края. Определенным итогом данной работы можно считать издание «Топонимического словаря Рязанской области» под редакцией А.А. Никольского (Рязань, 2004). Однако в большинстве исследований рассматриваются топонимы, извлеченные из современных источников – географических карт и каталогов, – а также наименования, полученные путем полевых сборов, и лишь в некоторых работах проводится анализ географических названий, которые уже не указываются на современных картах, но упоминаются в старинных письменных документах (Картах и планах генерального межевания XVIII–XIX вв., Писцовых книгах XV–XVII вв. и др.), хотя исследование этих топонимов, несомненно, имеет определенное научное значение для решения проблем истории русского языка, этимологии русской лексики. Этим и обусловлена актуальность данной работы. Источником таких топонимов может служить, например, каталог Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки» (Москва, 1976), составленный на основе как новых источников, так и старинных документов.

В данной статье мы решаем такие задачи, как установление вероятной этимологии некоторых озерных, болотных и речных гидронимов, извлеченных из каталога Г.П. Смолицкой, а также установление этимологии апеллятивов, которыми мотивируются данные географические наименования.

В своей работе мы использовали такие методы исследования, как семантический и этимологический анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод.

В нашем исследовании мы опирались на теоретические положения, изложенные в работах О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Э.М. Мурзаева, Н.И. Толстого, Г.П. Смолицкой, Ю.П. Чумаковой и других исследователей истории русского языка, этимологии и топонимии. Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в преподавании исторических лингвистических дисциплин в вузе, в лексикографической работе, также материалы работы могут быть полезны для дальнейших этимологических и исторических исследованиях русской лексики.

Особый интерес вызывают, конечно, наименования с непрозрачной, с точки зрения носителя современного русского языка, этимологией. Однако для некоторых топонимов, этимологическое значение которых, казалось бы, совершенно понятно (*оз. Бабье, оз. Галино, оз. Мужево, оз. Мужнее, оз. Польское*), нельзя исключить возможности деэтимологизации, то есть полного переосмысления семантики. Указанные гидронимы могут восходить не к общеупотребительным нарицательным словам, а к диалектным или архаичным географическим апеллятивам-терминам: *Бабье* (<*баба* – «трясина» [3, с.62], «старлица» [11, с. 187]), *Галино* (< *гал, гола, гало, галья* – «болото», «окно в болоте», «лесное озеро», «поляна в лесу», *галина, гола, голина* «поляна, [3, с. 138–139, 148], *галья* – «речная галька» [2] или даже лит. *galas* – «конец, край, граница» (*бол. Галы, оз. Гало*) [15, с.5], лит. *gylė, gylmė* – «глубокое место» ([5, с.27], *оз. Мужево, оз. Мужнее* (< *музга* – «илистая непроточная речка, старлица» [11, с. 195], «старичное озерко в пойме, небольшое озерко, болотце в степи» [3, с.379], «озерко, яма с водой, оставшейся после разлива» [2] (ср. также др.-русс. *музгъ* – «тина» [12, II, с. 193], словенск. *tužga, tožga* – «ил, глинистая почва, древесный сок» [16, III, с.5], *оз. Польское* (< *поле*, ср. др.-рус. *поле* – «поле, степь, открытое место, суша, поле битвы», *польский* – «полевой, равнинный» [12, II, с.1125, 1126, 1150].

Г.П. Смолицкая, используя собранную ей гидронимию бассейна Оки, на основании частоты повторяемости определенных названий и на основании известности апеллятивов, от которых эти названия были образованы, в диалектах и других славянских языках реконструирует целый пласт

древнерусской лексики из тематической группы географической терминологии [11], причем часть этих терминов образована метафорическим переносом от общеупотребительных нарицательных слов (*баба, вилы, калач, котел, лоб, лопата, провал, хомут* и др.), то есть уже сами эти термины метафорически характеризуют определенные признаки различных типов объектов, что отчетливо проявляется и в том случае, если данные апеллятивы становятся топонимами, поэтому, когда эти апеллятивы перестают употребляться в терминологическом значении, такие топонимы не теряют ясности своей семантики, происходит лишь некоторое ее сужение («тип объекта + его метафорическая характеристика» > «метафорическая характеристика»).

Из метафорических названий находится соответствие в выделенной Г.П. Смолицкой терминологии для гидронима *оз. Провал*, который восходит к апеллятиву *провал* – «овраг с крутыми обвалившимися берегами» [11, с. 163; 3, с. 461]. Кроме того, нам кажется возможным продолжить ряд апеллятивов-географических терминов, от которых образованы метафорические названия, и другими словами. Например, можно предположить, что гидронимы *оз. Бочка* и *оз. Бочища* образованы от апеллятивов ⁺*бочка* и ⁺*бочища* со значением «небольшое глубокое озеро с крутыми берегами», подтверждением чему может служить распространенность в славянской гидронимии метафорического образования географических терминов и названий от слов, обозначающих посуду и различные емкости, в том числе возводимых и к корню **bъč-* : *бочаг, бочага, бочажок, бочальжек* – «колдобина, яма с водой» [3, с. 65; 1, I, с. 107] и наличие таких гидронимов, как словенск. *Vača, Vačica, Vačovec*, македонск. *Vočva*, с.-х. *Vačva*, болг. *Бъчва* (ср. словенск., с.-х. *vačva*, болг. *бъчва*, др.-рус. *бъчвъ* (<**bъčv-*) – «бочка» [18, I, с. 106]. В. Шмилауэр среди апеллятивов, от которых обычно образуются славянские топонимы, также приводит лексему **bъčька* [22, с. 22]. К тому же, в качестве географических терминов указываются и синонимичные слову *бочка* лексемы, например, *кадка, корчага* [4, с. 8], словенск. *deža* – «кадка» и «яма с водой», словенск. диал. *kadica* – «яма, вырытая водой», «кадка», словенск. диал. *čeber*, с.-х. *čabar* – «котловина, глубокое место» и «кадка» [13, с. 230], рус. диал. *ба-клуша* – «небольшое озерко» и «бочонок» [11, с. 198; 1, I, с. 40].

Также достаточно распространенное явление в славянских языках – образование нарицательных географических терминов и топонимов от названий одежды и ее частей, поэтому производным от географического термина ⁺*штаны*, по-видимому, можно считать и название *оз. Штаны*, (ср. *верх Парточной, верх Портточной, р. Портищи* [10, с. 54, 55, 158], *озера Портки, Портковое, Штаны* [7, с. 68], и в таком случае апеллятивы ⁺*портки* и ⁺*штаны* можно определить как обозначающие объекты раздвоенной формы, то есть считать синонимичными лексеме *вилы*. Хотя необходимо отметить, поскольку сейчас почти все перечисленные метафорические термины вышли из употребления и поскольку метафора отчетливо осознается и на уровне топонимов, то в некоторых случаях, пожалуй, трудно однозначно определить, имеем ли мы дело с производством гидронима от апеллятива-термина или с устойчивой и повторяющейся метафорической номинацией. Из других метафорических названий можно особо отметить составные гидронимы *оз. Семкина Лужа* и *оз. Федькина Лужа*, по нашему мнению, они могут осознаваться как метафорические только с позиций современного языка, где слово *лужа* обозначает образующиеся в небольших углублениях после дождя скопления воды. Исконно же оно было нарицательным географическим термином со значением «небольшое луговое озеро, яма с водой» [3, с. 350], и рассматриваемые гидронимы, по-видимому, восходят именно к этому термину (ср. также др.-русск. *лужа*, чешек, *louže*, н.- и в.-луж. *luža* (< **luža*) [18, I, с. 494] и лит. *liugas*, лтш. *luga* – «лужа, болото» [13, с. 240].

Этимологический интерес представляют и некоторые другие составные наименования. И в первую очередь, стоит сказать о четырех гидронимах с компонентом *куст*: *оз. Долгий Куст*, *оз. Журавлиный Куст*, *оз. Медвежий Куст*, *оз. Осинов Куст*, которые могут пониматься носителями современного русского языка как указывающие на соседство объекта с зарослями каких-либо кустарников, что, в общем, не лишено оснований. Но странными могут показаться зависимые части, по крайней мере, трех первых названий, да и употребление слова *куст* в единственном числе может вызывать определенные вопросы. Это связано с тем, что этимологически главный компонент этих гидронимов восходит не к слову *куст* в его современном значении, а к омонимичному ему апеллятиву географическому термину, который определяется как «небольшая роща в вершинах степных логов, в западинах; западины, заросшие кустарником» [3, с. 322]. Видимо, в Рязанском Поочье у данного термина развились еще значения «заросшее кустами болото, расположенное в низине» или «озеро с заросшими кустами берегами» (ср. *кустовище* – «болото, местами поросшее кустами» [3, с. 322]). И в таком случае, можно сказать, что главный компонент данных названий изначально указывал на тип объекта, а зависимый – на тот или иной его признак (*Долгий* – на размеры и вытянутую форму, *Осинов* – на связь с растительностью, *Журавлиный* и *Медвежий* – на связь с животными) и что

метонимическими они не были, хотя и такой возможности исключить нельзя. Но в любом случае определенное сужение семантики у этих гидронимов произошло, так как слово *куст* уже не осознается как термин. Что же касается самого термина *куст*, то небезынтересно будет обратиться к этимологии этого слова вообще. П.Я.Черных, например, возводит его к о.-сл. **kura* – «совокупность» (*куст* < **kupst* (*pst*>*st*) < **kupa*) [18, I, с. 458], и закономерно будет предположить, что лексема *куст* изначально обозначала не только отдельное кустарниковое растение, но и небольшие совокупности любых деревьев. И тогда более ясным становится название *Осинов Куст*, так как осина все же дерево, а не кустарник.

По-видимому, к нарицательному термину восходит и гидроним *оз. Долгая Осока*, где первая часть является типичной в топонимии и указывает на вытянутую форму объектов, а вторая – указывает, скорее всего на соседство с объектом, имеющим наименование *осока*, подтверждением чему может служить высокая частота использования апеллятива *осока* в гидронимии Поочья (*Асоковка*, *Асочка*, *Осока*, *Осокинской*, *Осоковка*), и особенно интересным в плане сопоставления можно считать окское название *оз. Глушица Польская Осока* [10, с. 209], где первый компонент образован от апеллятива-термина *глушица* (< *глушица* – «непроточная старица» [3, с. 145; [11, с. 185], второй указывает на расположение объекта (ср. *оз. Польское*), и поскольку он относится к третьему компоненту, то закономерно будет предположить, что тот, в свою очередь, мотивируется также апеллятивом-термином ⁺*осока*. И, по-видимому, этот апеллятив связан, не с названием травы, а с терминологией подсечного земледелия (⁺*осока* «место вырубки» < *осочить* – «снять по кругу кору» [1, II, с. 717; 21, вып.29, с. 250], хотя, конечно, в данных случаях возможно производство и от *осока* – «вид прибрежной травы», «облава, окружение зверя» [1, II, с. 717], и от *осока* – «навозная жижа, грязь» [9, вып. 24, с. 42; 16, III, с. 163; 21, вып. 30, с. 6,7], по-видимому, через этап перехода в апеллятив-термин.

Рассмотрим некоторые другие названия, восходящие к географическим апеллятивам-терминам. Так, гидрографическими терминами со значениями «старица», «рукав реки», «залив», на наш взгляд, мотивируются следующие названия:

оз. Волошино, *оз. Волошка* < *волоша*, *волошка* – «залив, заводь, рукав», «рукав, соединяющий две реки, два озера» [3, с.128; 11, с.206–207] Происхождение самих терминов объяснить непросто. Во-первых, в них можно увидеть развитие значения апеллятива *волок* – «сухопутный участок, по которому перетаскивали суда от одного водоема до другого» > «проток, соединяющий два водоема» > «проток, старица» (ср. *волок* > *Волошка* [3, с. 127–128]; м.б. *волок* > *волошка* (ср. *Волошка* [10, с. 196] > *волошка* (*ки* > *ик*) > *волоша* (*шк* > *ш*) или *волок* > *волочка* > *волошка* (*чк* > *шк*)), во-вторых, данные лексемы можно сопоставить с приводимым Э.М. Мурзаевым термином *воложка* – «рукав Волги или Камы», который является деминутивом от гидронима *Волга* [3, с. 127]. Если учесть возможность нарицательного использования слова *волга* (ср. *дунай* – «разлив реки, многоводье» ([118], с.97), то и у апеллятива *воложка* (> *волошка* (*жк* > *шк*)) возможно предположить развитие значения «рукав реки, старица, залив».

оз. Музг, *оз. Музга*, *оз. Музги*, *оз. Музги Долгие*, *оз. Музги Крайние* < *музга* – «илистая непроточная речка, старица» [11, с. 195], «старичное озерко в пойме, небольшое озерко, болотце в степи» [3, с.379], «озерко, яма с водой, оставшейся после разлива» [2] (ср. также др.-русск. *музгъ* – «тина» [12, II, с. 193], словенск. *tužga*, *tožga* – «ил, глинистая почва, древесный сок» [16, III, с.5]. Вероятно, и названия *Музарское* и *Музное* с вариантами *Мужево*, *Мужнево*, претерпевшие фонетические изменения или ошибочно понятые переписчиком, восходят к этому же апеллятиву. Происхождение апеллятива *музга* подробно разбирается М. Фасмером, который указывает еще диалектную лексему *мзга* (< **мъзга*) – «гниль, плесень, сырая почва», соотносимую с *музга*, и оба слова возводит к и.-е. **tis* – «мох», **teus* – «болото» [16, III, с.5]. П.Я. Черных также русские *мзга*, *музга*, *мозгль*, *промозгль*, *мох*, *мыть* соотносит с индоевропейским корнем **теи-*: **ти-*: – «сырой, влажный» [18, I, с. 538, 545].

Рассмотрим некоторые гидронимы, восходящие к апеллятивам-терминам со значением «пойменное озеро нестаричного происхождения».

К зафиксированным нарицательным географическим терминам с указанным значением восходят гидронимы *оз. Баклуша* < *баклуша* – «небольшое озерко, лужа с крутыми берегами в пойме реки, образующаяся во время разлива» [11, с. 198; 1, I, с.40]; *оз. Ильмень*, *оз. Илмень* < *ильмень* – «пойменное озеро» [11, с.278], «мелкое озеро с берегами, заросшими камышом, старица» [6, с. 154]; *оз. Строганец* < *струга* (*у*>*о*) «пойменное озеро, рукав реки» [11, с.211; 12, III, с.558], «омут, яма на дне, проток, рукав, ручей, залив, старица, болото, топь» [3, с.526; 8, с.10, 11]. Определенный интерес представляет и происхождение самих апеллятивов-терминов. Так апеллятив *баклуша* является метафорическим (*баклуша* – «деревянный бочонок» > «озерко» [1, I, с. 40] и продолжает ряд русских нарицательных географических терминов, образованных от названий посуды и различных емкостей.

Для апеллятива *ильмень* принимается иноязычное происхождение, причем либо финно-угорское (*ильмень* < *ильмерь* < фин. *ilma* – «воздух, погода, небо», *jarvi* – «озеро»), либо греческое (через тюркский) (*ильмень* < *лимень* < *лиман* < греч. *λίμνη* – «озеро») [8, с. 154], либо и то и другое для разных территорий – финно-угорское для северо-западной (новгородской), греческое для юго-восточной (окско-донской) [11, с. 278]. По-видимому, на окончательное становление облика данного термина повлияла контаминация лексем *ильмерь* и *лимень*, *лиман*. Апеллятивы *исструга*, *струга* обычно включаются в ряд с остров, стрежень, стремнина, струя, которые мотивируются праславянскими **ostrovъ*, **struga*, **struja*, **strume*, **strumene*, продолжающими индоевропейское **streu* – «течь, струиться» [16, III, с.783; 19, с.114].

Другие гидронимы восходят к апеллятивам-терминам со значениями «болото», «низкое заболоченное место», «грязное место», «озеро с заболоченными илистыми берегами» и т.п. Данная группа представлена достаточно большим количеством названий, мотивированных различными апеллятивами, среди них:

р. Алешня < *алешня* – «река с заболоченной поймой, заросшей ольхой» [3, с.48]; *оз. Олех*, *оз. Шубин Олех* < *олех* – «болото с ольховыми зарослями» [3, с.412; 11, с.48]. Определяющим в семантике данных терминов является указание на связь объектов с зарослями ольхи, и если лексема *алешня* достаточно легко выводится из *ольха* (*алешня* < **olъshъn'a* < **olъchъn'a*; ср. др.-русск. *ол(ъ)ха*, *вол(ъ)ха*, о.-с. **jelъcha* : **olъcha* < и.-е. **elisa* : **olisa* [18, II, с.597]), то образование апеллятива *олех* из *ольха* путем изменения рода представляется достаточно уникальным. Для сопоставления можно также привести известный в Белорусском Полесье термин *олёс/ольс*, имеющий то же значение, что и *олех* [3, с.412; 13, с.159–160] и трактуемый как балтийское заимствование (ср. *р. Ольса* из лит. *elksnis*, лтш. *alksnis* – «ольха» [15, с.199]). Гидронимы *Алешково*, *Вольшки*, *Воля* произошли от той же основы, что и *Олех* и *Алешня*, причем по форме первого из них можно судить о былом существовании термина **олешек*, который может быть производным как от *олех*, так и непосредственно от *ольха* (**олешек* < **olъshъkъ* < **olъchъkъ*), что справедливо и в отношении названий *Вольшки* (< **volъchъkъ*) и *Воля* (< **volъchъj-a*).

оз. Болонье, *оз. Оболонье* < *болонь*, *болонье*, *оболонь*, *оболонье* – «низменный луг, влажная пойма реки, топкое место, опушка леса, край поля у воды» [3, с.89–90; 16, II, с.189; 13, с.74,75]. Указанные апеллятивы-термины достаточно подробно разбираются во многих исследованиях [16, I, с.189; 13, с.74–76; 19, с.84–86], отметим лишь, что им находят соответствия в других славянских языках (в основном западнославянских) и что традиционно их считают родственным слову *болото* и возводят к праславянскому **belъ* (ср. рус. диал. *бель* – «болото», пол. *biel* – «болотистый луг среди лесов» [20, вып.2, с. 157]), добавим, что Ю.П. Чумакова предполагает, что «связи рязанских гидронимов ряда *Болонье* ведут в западные русские говоры и могут быть истолкованы как кривичский след в топонимии Рязанского края». [19, с.86].

Калище, *Кальное*, *Перекальское*. Скорее всего, указанные географические наименования относятся к группе древних русских гидронимов, так как русские апеллятивы-термины, их мотивирующие, не зафиксированы, кроме *перекалье* – «промежуток между озер» [1, III, с.55] (ср. укр. *перекалка* – «грязные рвы, ручьи поперёк дороги» [19, с.99]), но традиционно подобные названия возводятся к праславянскому слову **kalъ* – «грязь, тина, слякоть» [21, вып.9, с.119], которое широко представлено во всех славянских языках и в топонимии, и в географических терминах [19, с.99–100; 13, с.237–241; 22, с.127], из соотносимых с рассматриваемыми нами названиями можно указать топонимы укр. *Кальний*, *Кальнянка*; белор. *Перекаль*, *Перекалье* [19, с.100]; пол. *Kalna*, *Kalnica*, *Białokal*; словацк. *Kalník*; болг. *Калища*; макед. *Kalista*; с.-х. *Kališće*; чеш. *Kalište* [22, с.127] и апеллятивы болг., макед. *кал* «ил, тина, грязь»; словенск. *kál* – «лужа, грязь, болото»; пол. *kał*, чеш., словацк. *kal* – «грязь, ил, тина», пол. диал. «лужа»; н.-луж. *kališćo* – «лужа» [22, с.127]; словенск. *kališće* – «лужа, болото, топь, озерцо» [13, с.240], можно предположить былое существование и в русском языке нарицательных **кал* – «грязь, тина, ил» и производного от него с достаточно продуктивным топонимическим суффиксом *-ище* с собирательным значением **калище* – «болото, грязная лужа, озеро с заболоченными берегами и илистым дном».

оз. Слотина, *р. Солотча* < *слотина*, *солотина* – «топкое болото, трясина»; *слота* – «ненастье, слякоть, сильная грязь»; *солоть* – «жидкое болото на твердом основании» [3, с.509,513–514], с основой этих терминов, по-видимому, связан и гидроним *Слощица*, хотя появление щ на восточнославянской почве достаточно сложно объяснить (*м.б. Слощица* < **Слоща* < **Слоча* < *слот(a) + j(a)*; ср. *Слоча*, *Слочья*, *Солодча*, *Солодиша*, *Солотча*, *Солоща* [11, с.44, 124]). Происхождение самих апеллятивов не совсем ясно. Э.М. Мурзаев предлагает связывать их либо со словом *соль*, либо с лит. *salta*, лтш. *salts* – «холодный». Отметим, во-первых, что рассматриваемые термины в гидрографических значе-

ниях представлены практически во всех славянских языках (болг., макед. *slatina* – «болото»; с.-х. *slatina* «минеральный источник»; словенск. *slatina* – «курорт»; чеш., словацк. *slatina* – «болото»; укр. *солотвина* – «соляное болото» [22, с. 167], то есть они относятся к праславянскому лексическому фонду. В пользу версии об их связи с лексемой *соль* свидетельствует то, что среди их значений есть значения «минеральный (соленый) источник» и «соляное болото», из которых, в принципе, выводимы и все остальные. Но в таком случае, несколько странно выглядит праславянская основа, мотивирующая данные лексемы – **solt-*. Как известно, корень **sol-* без расширителя в славянских языках мотивирует значение «соль», а с расширителем *-d-* значения «солод», «сладкий» [18, II, с. 173, 187] (ср. готск. *salt*, нем. *Salz*, англ. *salt* < о.-г. **sald* – «соль»; лит. *saldus* – «сладкий» [18, II, с. 188], и появление *-t-* в **solt-* не совсем понятно. Можно лишь предположить, что либо *-t-* является суффиксом, появившимся на славянской почве (ср. *жито*, *сито* и др.), либо основа **solt* заимствована из германских языков. Во-вторых, стоит сказать, что, учитывая общеславянский характер исследуемых апеллятивов, едва ли можно предположить их балтийское происхождение, но в то же время можно принять версию об их генетическом родстве, так как лит. *saltas*, лтш. *salts* – «холодный» допустимо считать сатэмным отражением индоевропейского корня **k'ol* – «холодный», при кентумных готск. *kalds*, нем. *kalt*, др.-исл. *kaldr*, англ. *cold* – «холодный (в традиционной реконструкции возводятся к и.-е. **gol(ə)-* : **gel(ə)-*)» [18, II, с.348]. В праславянском, в таком случае, была бы именно интересующая нас основа **solt-*, но там значение «холодный» актуализируется в лексеме **choldъ* < **koldъ* (предположительно **koldъ* > ст.-сл. *кладезь*, русск. *колодезь*) [18, I, с.348], происхождение которой не совсем ясно, предположение о том, что слова со значением «холодный» в генетически близких праславянском и прабалтийском языках восходят к вариантным индоевропейским основам, едва ли правомерно. Тогда, может быть, стоит предположить, что праславянские **solta*, **soltъ*, **soltina* являются закономерными сатэмными рефлексам индоевропейского корня, а **choldъ* > : **koldъ* представляют собой заимствования из германских языков. Однако не стоит исключать и возможности контаминации двух рассматриваемых лексем при образовании данных апеллятивов-терминов.

Штертовские Брачи < ⁺*брача* «яма, образовавшаяся на месте выработки торфа и заполненная водой» [2]. Данный апеллятив структурно аналогичен слову *дача*, которое первоначально имело значение «то, что дается, даруется» (о.-с. **dat-ja* < **dati* [18, I, с.232]), соответственно и лексема *брача* имела значение «то, что берется» [1, I, с.110], из которого и развилось значение «место, откуда что-то брали», а из него, в свою очередь, географическое – «яма, озеро на месте выработки торфа».

Таким образом, этимологический анализ некоторых гидронимов, извлеченных из каталога «Гидронимия бассейна Оки», позволяет сделать следующие выводы:

1) установление этимологии некоторых названий водных объектов Поочья (*Бабье, Галино, Мужево, Мужнее, Польское, Провал, Бочка Бочища, Штаны, Семкина Лужа, Федькина Лужа, Долгий Куст, Журавлиный Куст, Медвежий Куст, Осинов Куст, Долгая Осока, Волошка, Волошино, Музг, Музга, Музги, Музарское, Музное, Баклуша, Ильмень, Алешня, Олех, Шубин Олех, Болонье, Оболонье, Калище, Кальное, Перекальское, Слотина, Солотча, Штертовские Брачи*) является важным для решения проблем изучения истории русского языка, позволяет уточнить процессы номинации в русской топонимии;

2) этимологический и сопоставительный анализ гидронимии бассейна р. Оки позволяет продолжить начатую Г.П. Смолицкой работу и выявить ряд апеллятивов географических терминов, существовавших ранее в русском языке, скорее всего на уровне местных говоров, (⁺*куст*, ⁺*кал*, ⁺*калище*, ⁺*олешек*, ⁺*осока*, ⁺*брача* и др.);

3) проведенное исследование позволяет утверждать, что прослеживаются явные связи топонимии Поочья с топонимией других славянских территорий.

Поскольку остается невыясненной этимология еще многих географических названий Поочья и апеллятивов их мотивирующих, представляется вполне перспективным и оправданным продолжение начатой нами работы.

Список источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1912. Т. I 1774 стб.; 1914. Т. II – 2030 стб.; Т. III. 1783 стб.; Т. IV. 1619 стб.
2. Картоотека рязанского областного словаря на кафедре русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.
3. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
4. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.
5. Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М.: Наука, 1977. 226 с.

6. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
7. Овчар Н.В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. С. 60–74.
8. Откупщиков Ю.В. О происхождении названий озер Ильмень и Селигер // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя. Л., 1961. С. 10–11.
9. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. М., Л.; 1966–2019. Вып. 1–51.
10. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М.: Наука, 1976. 403 с.
11. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: Проблема реконструкции: Дисс ... докт. филолог. наук. М., 1981. 428 с.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: Т. I–III. М.: ГИС, 1958.
13. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.
14. Топонимический словарь Рязанской области / Под редакцией А.А. Никольского. Рязань, 2004. (2-е издание, исправленное и дополненное). 295 с.
15. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 270 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения Трубачева О.Н. М.: Прогресс, 1964. Т. I. 562 с.; 1967. Т. II. 671 с.; 1971. Т. III. 828 с.; Т. IV. 855 с.
17. Хрусталёв И.Н. Названия озер и болот Рязанской области (монография) // Рязанский этнографический вестник. № 41. Рязань, 2009.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: Т. I–II. М.: Русский язык, 1994. Т. I. 623 с.; Т. II. 560 с.
19. Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1992. 170 с.
20. Этимологический словарь русского языка / Сост. Шанский Н.М. М.: Изд-во МГУ, 1963–1982. Вып. 1–8.
21. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. Трубачева О.Н. М.: Наука, 1974–2011. Вып. 1–37.
22. Šmilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Praha; 1970. 215 s.

References

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. SPb., M., 1912. Т. I 1774 stb.; 1914. Т. II – 2030 stb.; Т. III. 1783 stb.; Т. IV. 1619 stb. (In Russ.)
2. Kartoteka ryazanskogo oblastnogo slovarya na kafedre russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. (In Russ.)
3. Murzaev E.M. Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov. M.: Mysl', 1984. 653 s. (In Russ.)
4. Murzaev E.M. Toponimika i geografiya. M.: Nauka, 1995. 304 s. (In Russ.)
5. Nevskaya L.G. Baltijskaya geograficheskaya terminologiya. M.: Nauka, 1977. 226 s. (In Russ.)
6. Nikonov V.A. Kratkij toponimicheskij slovar'. M.: Mysl', 1966. 509 s. (In Russ.)
7. Ovchar N.V. Opyt ideograficheskogo opisaniya ozernyh gidronimov Russkogo Severa // Nominaciya v onomastike. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1991. S. 60–74. (In Russ.)
8. Otkupshchikov Yu.V. O proiskhozhdenii nazvanij ozer Il'men' i Seliger // Mezhvuzovskaya konferenciya po istoricheskoj leksikologii, leksikografii i yazyku pisatelya. L., 1961. S. 10–11. (In Russ.)
9. Slovar' russkikh narodnyh govorov / Pod red. F.P. Filina. M., L.; 1966–2019. Vyp. 1–51. (In Russ.)
10. Smolickaya G.P. Gidronimiya bassejna Oki (Spisok rek i ozer). M.: Nauka, 1976. 403 s. (In Russ.)
11. Smolickaya G.P. Gidronimiya bassejna Oki v ee otnoshenii k istorii slovarnogo sostava russkogo yazyka: Problema rekonstrukcii: Diss ... dokt. filolog. nauk. M., 1981. 428 s. (In Russ.)
12. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: Т. I–III. М.: GIS, 1958. (In Russ.)
13. Tolstoj N.I. Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya: Semasiologicheskie etyudy. M.: Nauka, 1969. 262 s. (In Russ.)
14. Toponimicheskij slovar' Ryazanskoj oblasti / Pod redakciej A.A. Nikol'skogo. Ryazan', 2004. (2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe). 295 s. (In Russ.)
15. Toporov V.N., Trubachev O.N. Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ya. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 270 s. (In Russ.)
16. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / Per. s nemeckogo i dopolneniya Trubacheva O.N. M.: Progress, 1964. Т. I. 562 s.; 1967. Т. II. 671 s.; 1971. Т. III. 828 s.; Т. IV. 855 s. (In Russ.)
17. Hrustalyov I.N. Nazvaniya ozer i bolot Ryazanskoj oblasti (monografiya) // Ryazanskij etnograficheskij vestnik. № 41. Ryazan', 2009. (In Russ.)
18. Chernyh P.YA. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 13 560 slov: Т. I–II. М.: Russkij yazyk, 1994. Т. I. 623 s.; Т. II. 560 s. (In Russ.)
19. Chumakova YU.P. Rasselenie slavyan v Srednem (Ryazanskom) Pooch'e po lingvisticheskim i istoricheskim dannym. Ufa: Izd-vo Bashkirskogo universiteta, 1992. 170 s. (In Russ.)

20. Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka / Sost. Šanskij N.M. M.: Izd-vo MGU, 1963–1982. Vyp. 1–8. (In Russ.)
21. Etimologičeskij slovar' slavyanskih jazykov: Praslavyanskij leksičeskij fond / Pod red. Trubacheva O.N. M: Nauka, 1974–2011. Vyp. 1–37. (In Russ.)
22. Šmilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Praha; 1970. 215 s. (In Czech)

Информация об авторе

Хрусталёв Игорь Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.